

Едва лишь облака скрыли полуденное солнце, повеял ветер.

Под его дуновением слегка содрогалось бело-стенное здание штаб-квартиры японского UCAT.

Шум можно было услышать в холле первого этажа.

Внутри находились две фигуры, слышавшие его: Ооширо Итару и Sf.

Итару сидел на диване, попивая воду из стакана.

— Sf, как поживает мой старик?

— Тэстамент. Он отсиживается в своем кабинете. Мне стоит проверить внутри с помощью моего термозрения?

— А лазеры ты выпускать умеешь? Если он играет в 18+ игры, поджарь его задницу.

— Лучи из глаз — одна из доступных функций. Пожалуйста, отправьте по электронной почте запрос Официальному Разработчику Sf в немецкое UCAT. Школьники получают 50% скидку, так что, в случае необходимости, я могу подделать вам ученический билет.

— О? Как мило с твоей стороны. Что вообще происходит у тебя в мозгах?

Sf кивнула, и показала пальцем на собственную голову.

— Тэстамент. Искусственные синапсы моего искусственного мозга содержатся при температуре минус сорок градусов, достаточно холодной, чтобы забить гвоздь с помощью банана.

— Ясно. Так вот почему ты такая отмороженная?

— Нет. Масло, которое выполняет функцию моей крови, сохраняет комнатную температуру. Чтобы воссоздать искусственную холодность, моя наружность поддерживается на несколько более низкой температуре.

— Это и делает тебя отмороженной.

Итару уселся поглубже на диване, и, даже не поворачиваясь к Sf, проговорил:

— Ты тоже садись.

— Тэстамент.

Sf села сбоку на колени Итару.

Он полуприкрыл глаза.

— Это еще что? Разве я просил использовать твоего хозяина в качестве стула?

— Тэстамент. Вы сказали мне сесть. В моей глубокой памяти хранится случай, когда Вы попросили меня сесть в поезде и остановили, когда я попыталась сесть на пол. Если пол вне вашего предпочтения, я могу переместиться сюда.

— Вот как, вот как. Я в шоке. Ты, оказывается, можешь учиться? Я действительно в шоке.

— Тэстамент. Если Вы довольны, пожалуйста, поставьте штамп на этой карточке.

Итару безмолвно поставил печать и вернул карточку. Sf поклонилась.

— Тэстамент. Казуо-сама в последнее время определенно остается в своей комнате на длительный период. Он что, пытается там сгнить?

— Пускай гниет. Это потому что... его старик разрушил 2-й Гир.

— Это утверждение некорректно. Согласно записям, которые я недавно просматривала, и недавнему разговору, 2-й Гир был уничтожен по причине злоупотребления людьми того мира их системы управления, до тех пор, пока они не потеряли над ней контроль.

— Именно поэтому. Если бы люди 2-го Гира могли что-нибудь сделать, они бы разделили грех. Но старик моего старика был как раз тем, кто мог что-то сделать. Он оплошал самостоятельно, и понес грех самостоятельно, — объяснил Итару. — Запомни: у моего старика по этому поводу сложные чувства. Он тот, кто знает всю историю.

— Всю историю?

— Именно. Его старик был тем, кто не смог остановить Ямату во 2-м Гире, так почему же он смог сделать это здесь, в Лоу-Гире? Мой старик был тогда еще ребенком, поэтому знает ответ.

Итару глянул на Sf.

— Ты хочешь узнать почему?

— Не особо.

— Тогда, я тебе не скажу. ...Теперь, я немного поговорю сам с собой, так что не слушай.

— Тэстамент. Я тоже начну разговаривать сама с собой.

Итару отпил немного из стакана, глянул на потолок, и проговорил:

— Проект по строительству Сусаоо начался 12-го марта 1945. За три дня до этого в Токио произошло определенное событие. И старик моего старика принял участие в том событии, хоть его друзья и пытались его остановить.

— Я могу определить, что это событие было весьма ярким. ...Кстати говоря, это я говорила сама с собой.

— Тогда и я говорю с собой. ...То был яркий фестиваль. Настолько яркий, что о нём по-прежнему пишут в книжках по истории. — Итару вздохнул. — В конце концов, он породил такой вопль боли, что Токио был практически уничтожен.

Синдзё и Саяма прибыли в Синдзюку в Токио.

Саяма сказал, что им нужен кое-какой материал по Второй Мировой Войне, так что прошелся по разным книжным магазинам и купил несколько книг. Синдзё никогда раньше не видела большой город, потому была потрясена размерами книжных магазинов.

— Тебе бы хотелось жить в подобном месте?

Когда Саяма ее об этом спросил, она кивнула.

Покинув Мемориальный Парк Сёва, он ничего о ней не спрашивал.

Он не спрашивал, почему она опоздала, или о лжи, которую она упоминала прошлой ночью.

В данный момент, он просто тянул ее за руку, на пути к Станции Синдзюку.

Их окружали толкотня и шум города. Повсюду растеклись люди и их голоса.

И, словно охватывая всю эту толпу, раскинулись ряды строений и дороги, забитые машинами.

Когда, под давлением тускло-гнетущей атмосферы, девушка подняла взор к небесам, она увидела мрачное небо и ощутила исходящий от него ветер.

Сырой ветер наполнился запахами города.

Влажность в воздухе сообщила Синдзё, что скоро пойдет дождь, и она начала оглядываться.

— М-мы идем на станцию? Мы возвращаемся? Скоро пойдет дождь?

— Ха-ха-ха. Я отвечу на все твои вопросы по очереди: мы можем добраться до станции откуда угодно, мы можем вернуться когда угодно, и у нас еще есть время перед тем, как пойдет дождь. В конце концов, мы на пути к моменту в прошлом.

Саяма отпустил ее руку и вытащил книгу из бумажного пакета под мышкой.

— Я наконец-то нашел точку соприкосновения между 2-м Гиром и этим Путем Левифана. Вот она.

— Обзор американских воздушных миссий во время Второй Мировой Войны? Как... как это может быть точкой соприкосновения?

— Ты помнишь, когда начался проект по строительству Сусаоо? 12-го марта 1945. ...Если задуматься над этим, лучшей точки и не найти. Помнишь, как в столовой UCAT я сказал, что вспомню о чем-то, едва получу подтверждение?

— Ох, точно. Ты нашел какое-то значение в этой дате?

— Замечательный вопрос, Синдзё-кун. Я чувствую себя так, будто возвращаюсь к простым временам. ...За три дня до той даты, здесь в Лоу-Гире произошло нечто очень похожее на разрушение 2-го Гира.

— Э?

О чем он говорил?

Прочие Гиры были связаны с Лоу-Гиром в заранее определенных местах посредством лей-линий. Однако она не слышала о подобных непрямых эффектах. И это будет нечто схожее с разрушением.

— Т-ты шутишь, да? В конце концов, Токио прямо тут. Он не был разрушен.

— Нет, не был. Он выжил и восстановился.

Саяма неожиданно остановился.

Они стояли в центре большого пешеходного перехода, пересекающегося у восточного входа Станции Синдзюку.

— Смотри, Синдзё-кун.

Привлеченная его словами, Синдзё оглянулась по сторонам.

Мимо них шагали и двигались в стороны множество людей. Шеренги машин дождались, пока толпа перейдет на другую сторону.

И на асфальтированной дороге, поддерживая их всех, находились сделанные из металлического каркаса конструкции.

Синдзё ощутила, как к ее горлу подступила влага.

Левая рука Саямы неожиданно обняла ее за спину.

— Оживленное место, не так ли?

— Если взглянуть на это снова... Токио удивительное место.

— Да, но этот город однажды едва не разрушили. И это факт.

— Э?

Ее вопросительный тон вынудил взгляд Саямы повернуться к ней.

— Это случилось 9-го марта 1945-го года. Приблизительно за пять месяцев перед сдачей Японии во Второй Мировой Войне. И за три дня до того как начался проект по строительству Сусаоо. В тот день американские войска провели в Токио некий эксперимент.

— Э-эксперимент? Какой эксперимент?

— Тот же эксперимент они ранее проводили в Гамбурге, в Германии, но потерпели неудачу. Во время бомбардировки вместо обычной взрывчатки использовалось легковоспламеняющиеся топливо. Они провели напалмовую бомбардировку, — сказал Саяма. — Токио был построен из дерева, так что результат эксперимента был очевиден. За одну ночь погибло приблизительно 120 тысяч человек, и в Токио были уничтожены почти все здания. Этот эксперимент вызвал величайший вопль боли, который Япония издавала за время Второй Мировой Войны.

— Ты имеешь в виду...

— Да, напалмовую бомбардировку Токио.

И...

— Почему Ооширо Хиромаса вдруг так посерьёзней по поводу создания Сусаоо и Тоцуки, после того, как не спас 2-й Гир?.. Ответ прост.

— Ты хочешь сказать...

— Да. Когда Токио бомбили, он находился здесь. Он видел это собственными глазами. Он видел, как его собственный мир, Лоу-Гир, пожирает пламя.

Саяма остался на этих словах невозмутимым.

И Синдзё увидела Баку, высунувшего головку из грудного кармана костюма Саямы.

Первое, что Саяма ощутил, оказалось светом.

Он увидел багровый. Он увидел цвет пламени.

Парень также услышал шум, уловил движение, и узрел пейзаж. Но...

...Это все слилось между собой.

Пламя пылало.

Он находился в деревне, поселении, или в городе?

Саяма знал ответ: это был Токио.

Небо покрывали темные облака и дым. Над землей проносились ветер и пламя.

Бесчисленные оттенки алого окрасили осыпающиеся строения и людей.

Саяма слышал несметные звуки чего-то, падающего с небес.

Он слышал звон пожарных колоколов и голоса людей.

Жар возносил плачь неисчислимого количества людей разом в небеса.

Среди тех голосов кто-то рыдал по своему отцу, матери, сыну, или дочери. Некоторые рыдали по их дедам или бабушкам.

Все эти вопли собрались вместе, но не пришло ни единого ответа.

Звуки разрушения и свист пламени швыряли плачущие голоса в землю, а в небо вырывался цвет пламени.

Перед глазами Саямы лежала сцена горящего Токио.

— !..

Он ясно ее видел.

Саяма видел темные тени. Они осыпались в пламени, что даже нельзя разобрать, были то люди, или строения. И пока люди бежали и восклицали в замешательстве, атаки над ними сверху рассыпали алый цвет.

Повеял ветер, но он не принес с собой дождь. Он только заставил пламя танцевать.

Этот воздушный поток возник в ответ на горение обширной площади. Сперва он накопил вокруг себя пламя, и затем пронесся над городом в поисках кислорода.

Воздух был не просто горячим; он пылал.

Ветер горячее огня разнесся над Токио во всех направлениях и выжег напрочь ряды домов, едва их касаясь.

Восток, запад, север и юг. Яростный ветер направлял пламя во все стороны.

Ветер мчался по округе в поисках воздуха.

Реки, протекающие сквозь Токио, наполнились людьми, пытавшимися избежать жара, но горячий ветер опрокинулся на реку, выжигая даже их.

Людей стоящих на мостах, поразил обжигающий ветер, пронесшийся сбоку.

Жар раскалил металл мостов, с легкостью их сгибая. Едва воспламенившись от напалма и открывшись палящему ветру, арочные конструкции расплавились и в мгновение ока обрушились в реку.

Прежде чем вода успела расплескаться, поднялась чернота дыма и мерцание пламени.

Никто не мог убежать. Они этого не позволяли.

Большинство бомбоубежищ зажарило изнутри и снаружи, потому что их двери высосало прочь из-за разницы в давлении, созданной пламенем.

Дороги, здания, реки, подвалы, люди. Все, к чему прикасался воздух, стгорало, являя в тот же миг, как выглядит настоящий уголь.

В небе, над возносившимся дымом, мерцанием и криками, виднелись бесчисленные темные очертания и темный дождь.

Очертания принадлежали большим истребителям В-29, а дождь оказался шквалом зажигательных бомб.

Время от времени некоторые бомбардировщики снижались и пролетали вблизи Токио.

И пока могущественный рев и жар набрасывался на Токио вновь и вновь, Саяма кое-что увидел.

Перед грузовиком Изумо, горящим посреди города, стоял мужчина.

Саяма узнал, кто это.

— Ооширо Хиромаса!

Хиромаса носил лабораторный халат и стоял в городе, наполненном одним лишь мерцанием и светом.

Висящий на его шее камень вовсю испускал синее свечение.

Оно защищало его, не давая испачкаться, но не сгореть. Он что-то выкрикивал, и спрашивал у города.

— ———?!

Есть тут кто-нибудь? Быстрее эвакуируйтесь. Убирайтесь отсюда. Все его крики тонули в бомбардировке и ветре. Жар перекручивал крики в его ушах, отчего мужчина даже не мог уловить, как далеко до них было.

Но Хиромаса продолжал восклицать и бесцельно носиться по городу. Он перепрыгивал через нечто похожее на глыбы угля, лежащие на дороге, споткнулся об одну, упал, и продолжил бежать.

Хиромаса плелся по залитым пламенем закоулкам, пытаясь найти безопасную улицу.

Но едва он до одной такой добрался, палящий ветер пронесся по ней, словно стена.

— !

Один этот резкий порыв принес собой оглушительный рев.

Едва пламенный ветер миновал, ничего не сохранилось.

Здания, люди, и всё остальное покрыло пламенем до неузнаваемости, оставив только черные силуэты.

Куда ни посмотри, мужчина видел лишь опаленную землю и ночные, насыщенные искрами, небеса.

Хиромаса рухнул на колени, потянувшись к пустой, пламенеющей улице.

Наблюдая за ним со спины, Саяма неожиданно заговорил.

Он произнес неслышным голосом, который не мог достичь прошлого.

— Твои усилия канули в Лету.

Голова Хиромасы поникла.

— Ты понимал, что ничего не мог поделать, но все равно хотел собрать выживших ради чувства, будто ты их «спас». Это желание привело тебя сюда, верно? Ты хотел искупить свою вину за то, что не спас 2-й Гир.

Но...

— Но разрушение не позволит тебе даже этого.

Хиромаса дотронулся до синего камушка, висящего на шее.

— Так что же, ты уничтожишь себя? Если разрушение — единственный путь, доступный миру, ты получишь одинокое превосходство, уничтожив себя раньше времени? Если ты этого желаешь, просто взгляни перед собой.

На улицу перед глазами Хиромасы набросилась багровая волна.

Она напоминала гигантскую змею. То был громаднейший поток огня, созданный в центре горящего Токио. Он вздымался, проносился над рядами домов и приносил горящий ветер.

— А теперь, Ооширо Хиромаса. Это развилка. Чтобы взять на себя ответственность за неспособность что-либо сделать, отбросишь ли ты свой защитный камень, возжелав разрушения со всеми остальными? Или же будешь цепляться за свою мелкую жизнь и подвергнешь себя позору?

Разносящееся пламя как будто вторило словам Саямы.

Хиромаса отреагировал. Он сжал философский камень в правой руке.

— !

Мужчина сорвал его с веревки на шее.

— Теперь, что ты будешь делать с этим камнем? Решайся!

И словно отвечая на вопрос Саямы, Хиромаса медленно поднял голову.

Он собирался его отбросить.

Но затем кое-что увидел.

Приближающееся к нему пламя осветило округу, сделав ее очертания предельно ясными.

— ...

Нечто завалилось перед его взором.

Нечто неподвижно сидело на коленях.

Нечто неподвижно накрывало ребенка.

Нечто поместило покрывало над ребенком, чтобы его защитить, но стало таким же неподвижным, как и ребенок.

У самого Хиромасы был сын. Но пламя игнорировало это, с легкостью сжигая всё на своем пути.

Всё пылало. Всё обращалось в уголь.

Вскоре после этого Хиромаса приоткрыл уста.

— Ох...

Вырвался голос.

— Оааааааа!

Его голос обернулся громогласным криком, как у новорожденного, и разносился без конца.

И затем мужчина зашевелился.

Он не выбросил камень. А сжал его в руке, сложив крепкий кулак.

Философский камень, оберегающий его жизнь, больше не висел на его шее тяжелым грузом. Теперь, мужчина стиснул его в кулаке.

Хиромаса решительно поднялся, продолжая кричать.

Саяма существовал лишь в форме восприятия, но он улыбнулся его действиям.

— Значит, ты выбрал жить в позоре, инженер из прошлого! Таково действие того, кто продолжает двигаться вперед, не боясь поражения!

С распластавшимся перед ним пламенем, Хиромаса взглянул в небеса.

Он открыл рот, выгнул спину и прокричал нечто вдаль.

Это был возглас протеста. Это был голос ярости.

Наблюдая за ним, Саяма произнес ответ на этот протест.

— Кричи! Почувствуй свою ярость! Разрушь свое нерешительное сердце! Узри непомерное зрелище перед тобой!

Он глянул на пламя перед его глазами.

— Высвободи же крик!

И Хиромаса сделал именно это. Мужчина высвободил громкий, громкий голос в сторону бесчисленного, бесчисленного пламени перед собой.

— Я...

Он запустил свой кулак в сторону палящего ветра, сорвавшего его с земли, и отнесшего прочь.

— Я!..

И когда Саяма слышал этот крик, его выбросило из прошлого.

Через лес в горах Окутамы пролежала узкая дорога.

По ней не ехало ни единой машины, и пока в небе скапливались тучи, лишь человек в рабочей форме шёл вперед.

Это Касима.

Правое плечо его одежды было всё так же разорвано после недавнего удара мечом.

Ну а в левой руке он сжимал толстый водонепроницаемый конверт, который передали родители.

Под напором холодного дождливого ветра, дувшего в спину, мужчина размышлял.

...Что я должен делать?

Эта мысль заполнила его разум и не собиралась уходить.

Что он должен делать?

С его прошлым в 3-м Производственном Помещении, стоящим перед глазами, он убежал. Это напомнило ему определенный факт.

...Вот где я раньше пребывал.

Давным-давно, когда Касима не смог исполнить последнюю волю деда, он попытался забыться, отдавшись на волю своей силы, как потомок 2-го Гира.

И поступив так, он забыл о человеке, которым дорожил как житель Лоу-Гира.

— Нацу-сан...

Мужчина позабыл о ней и вспомнил лишь тогда, когда причинил ей вред и спас ее.

Он никогда больше этого не забудет.

Но в то же время, Касима начал нечто отрицать.

Он отрицал эту мысль уже так долго.

— Я отрицал, что не позабыл свою силу.

Порез на правом плече его одежды сообщил ему всё, что он должен об этом знать.

...Я никогда не смогу по-настоящему быть жителем Лоу-Гира.

Он выглядел как они, его культура была похожей, и даже завел здесь семью, но ничего не мог поделать со своим собственным существованием в основе всего этого.

Но мысль по-прежнему его не покидала.

— Что я должен делать?

Ответ был прост: ему лишь нужно перестать об этом думать.

Ему лишь нужно забыть о своей силе. Иначе, он не сможет быть откровенным с Нацу и Харуми.

...Я должен продолжить лгать и вновь потерять себя в своей силе?

Нет, — подумал Касима.

— Но, — пробормотал он следом.

...Но что же я должен делать?

Неожиданно, мимо него вновь повеял холодный ветер.

Озноб вырвал его из раздумий, и мужчина осознал, что остановился.

Впереди дорога резко поворачивала направо. Она огибала крутой склон, выступивший на пути.

— Это...

Место, на котором восемь лет назад произошел обвал. Место, где это все было определено.

Касима остановился у местоположения своего прошлого.

И пока он молча стоял, на его плечо упало нечто небольшое.

Дождь.

Он полил с неба, мягко заморосив по Касиме и окружающей его местности, постепенно усиливаясь.

Дождь не прекращался.

Он лишь становился все интенсивнее.

●

На площади перед Станцией Синдзюку ветер заслонил небо дождевыми облаками, но поток людей не уменьшился.

Пока все направлялись по своим делам, дабы избежать предстоящего дождя, на каменной ступеньке сидела одинокая фигура.

Ей оказалась Синдзё, согнувшаяся на корточках под всеобщим шумом.

К ней подошла еще одна фигура.

Это Саяма. Он держал в руках чашку, и протянул ее Синдзё.

— Не желаешь выпить? — спросил он.

Синдзё подняла глаза и слабо улыбнулась.

— Ох, конечно. Спасибо. А что это? Только не говори, что принес 100% сок морского ежа или что-то такое.

— Ха-ха-ха. Мы сейчас не в сомнительной секретной организации под Окутамой. Это просто чай.

— Вот как. Немного разочаровывает, — сказала она с горькой улыбкой.

Саяма задумался над ее комментарием.

...Я бы соответствовал ее идеальному образу, если бы принес что-нибудь странное?

Поищи он торговый автомат ИАИ, то мог бы отыскать что-то, попавшее в цель. Вряд ли бы оно оказалось на уровне того, что можно найти в UCAT, но это было бы началом.

...Я сделал неправильный выбор? Нет, но... Нет, нет.

— С-Саяма-кун? Похоже, ты о чем-то глубоко задумался. В-всё хорошо?

— Д-да. Прости. Я просто думал о своем идеале.

— Звучит подозрительно... Но что ты взял попить себе?

— Клубничное молоко.

— ...

— Мне многое предстоит обдумать, так что моему мозгу необходим сахар. Мне также не помешает кальций для концентрации, а значит, это наилучший выбор. Да. Теперь, когда я снова об этом думаю, мой выбор достоин того, чтобы меня похва... Что это за взгляд?

— Ничего. Я просто подумала, что мои слова все равно тебя не остановят.

Выражение лица Синдзё вернулось в норму.

— Просто не верится, что ты так спокоен, после того как увидел такую суровую часть прошлого. Ты действительно сильный, Саяма-кун.

— Серьёзно? Сецу-кун однажды сказал, что я на удивление робок.

— Хватит об этом, — сказала она с раздраженным взглядом.

Он не знал, как на это отреагировать, и Синдзё похоже заметила это по его лицу. Она опустила голову, сказав «извини».

— Но интересно, смог ли отец Ооширо-сана действительно прочувствовать уничтожение 2-го Гира под этой бомбардировкой, — произнесла она.

— Думаю, нам стоит это предположить. Он увидел, что случится с этим миром, если здесь появится Ямата. И поэтому направил все свои мысли на создание Сусаоо и поиск ответа на вопрос Яматы, — Саяма кивнул. — И людей 2-го Гира занимали такие же мысли. И по-прежнему должны занимать.

— Э?

Саяма прищурился и кивнул в ответ на вопросительный тон Синдзё.

Он произнес то, в чем убедился во время предварительных переговоров.

— Я считаю, что 2-й Гир — это спящий дракон. Они желают мира, но по-прежнему способны избрать лучший вариант. Вот что они сделали шестьдесят лет назад. Те, кто создал Сусаоо и Тоцуку должны были поднять крик сопротивления в ответ на то, что потеряли.

Он вздохнул и задал вопрос.

— Ты слышишь это, Синдзё-кун? Ты слышишь, как 2-й Гир издает крик, пробуждаясь от спячки?

Касима мокнул под дождем, но продолжал взирать на раскинувшийся перед ним склон.

Его глаза уставились вперед, на ограждение, отделяющее его от холма.

Оно поворачивало направо, следуя за новой дорогой, но старая дорога лежала за ней, похороненная под насыпью.

Большую часть нижней части склона покрывала твердая масса.

То было место воспоминаний. Оно однажды получило этот бетонный макияж, но дождь заставил твердую грязь извергнуться из щелей и сверху. Его старое лицо проглядывалось наружу.

И пока грязь стекала вниз, Касима слышал мягкий шум. Он словно спрашивал нежным тоном: почему ты здесь?

Солнце, должно быть, прогрело землю, потому что над местностью начал подниматься туман.

Мужчина стоял в окружении дождя, тумана и легкого ветра.

Скопившиеся над ним тучи порождали дождь.

И вслушиваясь в его поток, Касима перевел взгляд на лес, и вверх, в небо.

— Однажды существовал мир, подобный этому.

Люди, которые пытались и не смогли защитить тот мир, спорили друг с другом.

Но даже так, они работали над тем, чтобы защитить этот новый мир.

Почему?

Почему двое сражались, но в то же время пытались вместе защитить этот мир?

...Я не знаю.

То было прошлое, и оно принадлежало другим. Касима никак не мог об этом знать.

Но в прошлом ему приходила в голову определенная мысль.

— Даже не в состоянии понять полностью, я все равно могу приблизиться к пониманию.

...Так и есть.

Его дед рассказывал ему истории о войне в другом мире.

Он не думал, что они правдивы, и дед рассказывал их с упоением, но по завершению почему-то выглядел грустным.

...Я никогда ничего не говорил об этом грустном взгляде.

— Можем ли мы просто всё забыть?

Разве они могли просто забыть о его дедушке и о мыслях, которые он оставил?

— Можем ли мы просто всё забыть?

Касима осознал, что нет. И осознал, что никто кроме него не сможет к этому прийти.

— ...

Небо неожиданно размыло в его взоре. Мужчина предположил, что капля упала ему в глаз.

Дождь казался на удивление теплым. Он словно обладал температурой тела. И ощущая этот дождь, Касима произнес самому себе.

— Я должен решить.

О чем ты? — Подумал он, но даже это не могло остановить его слова.

— Это должно быть, и есть место, где мне следует принять решение.

Именно сюда Касима приходил, опасаясь собственной силы, и здесь обрел нечто драгоценное.

Он содрогнулся, уставившись на склон, отчасти покрытый насыпью.

Дрожь, ощутимая им перед 3-м Производственным Помещением вернулась.

Выбор старой тропы неминуемо вызовет дрожь.

С этой мыслью мужчина повернулся в сторону новой дороги сбоку. Эта безопасная дорога не вызывала дрожи.

Но торопливо покачал головой. Выглядело так, словно он что-то отряхивал.

— Перед тем как отправиться этой дорогой, мне кое-что необходимо.

Касима испустил вздох и сдвинулся с места.

Он пересечет ограждение. И направится на другую сторону, где поджидал склон.

На фоне дождя он сделал один шаг, и затем другой.

С этим действием мужчина перемахнул ограждение и остановился с другой стороны.

Касима не мог унять дрожь.

Даже так, он решил оставаться здесь.

Таково его решение.

Он воспользовался дрожью своего тела, чтобы набрать дыхания.

Мужчина открыл рот и произнес, словно к кому-то обращаясь.

— Вот способ, который я выбрал.

Касима вздохнул.

— Я буду нести прошлое, шагая по новому пути.

Он шагал сквозь дождь, приближаясь к склону.

Мужчина дрожал, но дрожь постепенно утихала, пока он продолжал двигаться вперед.

И шагая, Касима вспоминал прошлое.

Он вспоминал, как его дед в самом конце попросил прощения.

Вспоминал свое разочарование, обнаружив, что мостик на голове Сусаоо разрушен.

И вспоминал, как вызвал обвал и подхватил поврежденную руку Нацу.

Среди всех этих воспоминаний, одну вещь он мог сказать точно.

Только одна вещь объединяла все его вопросы, ярость, негодование и радость.

...Это все произошло из-за того, что у меня есть сила.

Касима не мог забыть или избавиться от тех воспоминаний.

Они оставляли его в смятении так долго, и он не мог стряхнуть их, даже заведя семью.

— Но лишь одну вещь я никогда не спрашивал у силы, что породила это всё.

Мужчина стоял у склона и произнес скрипучим голосом:

— Может ли моя сила не только отбирать?

Он набрал в грудь воздуха и положил левую руку на грязь склона.

Затем медленно поднял правую руку и покачал головой.

— Я знаю, это эгоистично! Но я... я хочу использовать эту силу, которая причинила боль самому дорогому для меня человеку!

Касима взмахнул правым кулаком в топкий склон перед его глазами.

Раздался всплеск от удара.

— Я хочу использовать ее, чтобы вернуть всё, что я потерял!

Его рука погрузилась в грязь по запястье. Мягкий и влажный ил был теплым от солнца.

И пока он ощущал жар в правой руке, капли дождя на его лице попали ему в рот.

Теплый дождь капнул ему на язык, и Касима его опробовал.

...На вкус прямо как кровь.

Мужчина попробовал этот вкус, и ощущал правую руку в грязи.

Влажное чувство в его кулаке походило на то, что он испытал, когда держал тогда Нацу за руку.

Касима не забыл.

Дрожь в его спине выражала эмоции, вызванные теми же ощущениями, что и восемь лет назад.

Но он больше не мог поворачиваться к склону спиной.

— Я...

Его голос дрожал, как будто сдавливаемый чем-то.

— Я собираюсь тебе лгать, Нацу-сан.

Прости, — подумал он. — Прости меня, Нацу-сан.

Я собираюсь снова использовать ту силу, которая причинила тебе боль.

Прости меня, Харуми. Твой отец — лжец.

Но я больше не буду извиняться за ложь после этого. Я больше не скажу «прости».

— Потому что я определился.

Касима решил лгать и защитить всё собственной силой.

И с принятым им решением, мужчина повернулся направо.

Он ухватил чувство восьмилетней давности, равно как и немного грязи, и глянул в сторону новой дороги.

Асфальтированная трасса продолжалась без конца.

— ...

В каждой частичке его тела ощущалось тяжелое дыхание и учащенный пульс.

Но его сердце оставалось спокойным.

...Я не выбираю 2-й Гир или Лоу-Гир.

— Я собираюсь скрывать свою силу 2-го Гира, и оставаться в Лоу-Гире.

...Место, в которое я направляюсь, ни то и ни другое.

Касима принял решение. Он ощущал, что это было эгоистично, но не мог найти большего сопротивления идеи, чем это.

И раз так, он решился.

Мужчина вытащил правую руку из земли и открыл рот.

— Ох...

Наружу вырвался голос.

У него не было причин противиться своим мыслям.

Он распахнул уста в сторону небес и высвободил их.

Касима закричал. Криком, как у новорожденного.

Его дрожь исчезла, словно сброшенная с него, а голос стал еще громче.

— !

Касима повернул тело, наклонился вперед и откинулся назад.

Его тело вытянулось к небу, дыхание пронеслось от легких до горла, и, вырвавшись изо рта, породило крик.

Его могучий рев пронзил скопившиеся в небе облака.

Под темными тучами и посреди оживленного Синдзюку, плечи Синдзё содрогнулись на вопрос Саямы.

— Крик?

— Да.

Саяма кивнул, и провел рукой по волосам на ветру.

Со спокойным выражением лица парень поднял взор к небу. Он произнес, словно нечто припоминая.

— Люди, которые преодолевают трудности и которые сражаются, воспользуются голосом своих мыслей, дабы поднять крик, звучный или молчаливый. Так же, как поступил Ооширо Хиромаса.

И...

— Так же, как непременно поступит 2-й Гир.

Синдзё вздохнула.

Она вспомнила две вещи: то, что Ооширо сказал ей о Касиме прошлой ночью, и прошлое, которое она только что увидела.

...Он в итоге решится, как и отец Ооширо-сана?

Решится. Она в этом не сомневалась. В конце концов, он знал, какой обладал силой.

...Но...

Как насчет нее?

У нее не было ответа. Волнение, вызванное этим фактом, заставило ее содрогнуться.

— !

Синдзё непроизвольно двинулась.

Чтобы отринуть свои мысли, девушка встала и собралась с силами.

Но...

— ...

Едва осознав, что сделала, она повернулась к Саяме, глядевшему на нее.

Синдзё выдала вопросительный взгляд, который вновь заставил ее осознать свое поведение.

— П-прости. Мне немного нехорошо.

Ее плечи опустились, и она сделала вдох.

И неловко сев назад на свое место, девушка услышала слова Саямы.

— Я могу понять, что тебе сложно оправиться после той сцены из прошлого, но излишнее напряжение пойдет лишь во вред.

— Я знаю...

Чтобы не дать ему осознать, как сильно ее потрясло, Синдзё выдавила улыбку и задала вопрос.

— Т-тогда, ты бы не мог предложить какую-то тему для разговора, чтобы меня отвлечь?

Саяма задумался.

Через пару секунд он хлопнул в ладоши. Баку на его голове повторил это действие. Затем парень повернул голову вместе с Баку в ее сторону.

— В таком случае, как насчет того, чтобы я снова пригласил тебя завтра на Фестиваль

Всеобщего Отдыха?

Всего на мгновение слово «фестиваль» озарило лицо Синдзё радостью.

Но она тут же кое-что осознала, и ее плечи задрожали.

...Я не могу.

Девушка лихорадочно помахала руками в сторону Саямы.

— Э-э, мне нужно завтра тренироваться, так что...ну... наслаждайся фестивалем с Сецу.

— Это звучит неплохо, но...

Вялый тон Саямы вызвал у Синдзё мгновенный вопрос.

— Тебе не нравится Сецу?

— Конечно, он мне нравится, — он поправил папку у себя под мышкой, — Но я спрашивал, пойдешь ли ты.

— Ах, — выдохнула Синдзё.

Девушка осознала, что означал ее вопрос, и что подумал Саяма.

Осознала его внимание, и ее причины для отказа.

— ...

Синдзё не знала, какое выражение стояло на ее лице.

Несколько хмурый взгляд Саямы дал ей ответ: она готова была расплакаться.

— Синдзё-кун.

— П-прости.

Девушка встала и отступила на шаг.

После чего глянула на часы и обнаружила, что было уже почти 5:40 вечера.

— Э-эм, Саяма-кун. Я... мне малость нехорошо, потому... Я отправлюсь назад сама.

Брови Саямы приподнялись.

Он приподнял голову, будто в понимании, и его лицо приобрело серьёзность.

— Учитывая щепетильность темы, я задам вопрос косвенно, но все дело в твоих месяч... гвх!

Ее колено влетело ему в живот на половине предложения. Он согнулся, и она запаниковала еще сильнее.

— П-прости, но оно вырвалось, потому что мне кажется, будто слово «косвенно» означает кое-что другое.

— Хе... хе-хе-хе. Это была превосходная атака, Синдзё-кун. И поскольку это было повторение шутки, можно сказать, что я заслужил. Однако...

— Хватит об этом. Раз уж на то пошло, у меня до сих пор не начались месячные.

— Вот незадача, — пробормотал он.

Но затем, его брови зашевелились. Парень скорчил озадаченное лицо и произнес озадаченным голосом.

— До сих пор не начались?

— Ах, — произнесла Синдзё, осознав, что сказала.

...Но это правда.

Чтобы укрепить свою защиту, девушка обняла собственное тело. Затем сделала глубокий вдох так, что бы суметь взглянуть ему в глаза.

— Это...странно?

Ей казалось, что это странно, но она спросила, чтобы убедиться.

Но его ответ был другим. Отвечая, Саяма поправил свой галстук и воротник.

— Ответ различен, в зависимости от человека, так что я не могу ничего сказать однозначно.

— Ясно.

Даже кивая, Синдзё ощущала, что ее лицо покраснело.

Что ей следует здесь сказать?

— Прости, я просто ребенок. Но у этого есть причина.... И мне кажется, та же причина вызывает у тебя трудности.

— Этой причиной является ложь, которую ты упомянула прошлой ночью?

— ...Да. Но я не могу сказать больше.

Синдзё тихо кивнула, и затем повернулась в направлении станции.

— Если скажу сейчас что-нибудь еще, я не думаю, что смогу этого вынести... Но я хочу кое-что спросить. Можно мне задать неожиданный вопрос?

— Если ты желаешь об этом спросить, то вперед.

Она получила разрешение. Сей факт вызывал облегчение, и она произвела слова:

— Я говорила, что хочу, чтобы ты пошел на Фестиваль Всеобщего Отдыха с Сецу, да? Ну, я не уверена, как это выразить... Ты не будешь против, если Сецу уйдет?

— ?..

— Не смотри на меня так. Твоя рука уже зажила, правда? И... и даже если Сецу уедет, у тебя все равно останется Садаме... у тебя все равно останусь я. Так что, тебе не нужен Сецу, правда?

Синдзё как-то сумела выжать слова, которые тонули в ее нутре.

— Но прямо сейчас — всего немного — побудь вместе с Сецу.

Это всё, что она смогла сказать. Девушка не смогла продолжить.

Она бросила взгляд на его лицо, и увидела легкое удивление. Это выражение заставило ее почувствовать себя виноватой.

И поэтому Синдзё развернулась спиной, наполнила силой ноги, и начала идти.

— Прости. ...Увидимся позже! Позже, хорошо!

Девушка тут же глянула на часы и перешла на бег.

Саяма встал, но он явно за ней не поспеет.

Она скользнула в толпу между двумя девушками с большими сумками.

Нечто упало с неба, приземлившись на плечо ее куртки.

Упавшее оказалось вовсе не зажигательной бомбой. На мир настоящего ниспадало кое-что другое.

— Дождь.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274874>